

Окончание. Начало в № 3 (88)

* * *

Несмотря на запрет перемещений, сестра добилась, чтобы меня перевезли в Могилёв. И она стала ухаживать за мной, за уже фактически растением, мыслящим, молящимся, с высокой температурой каждый день, с этим вскрытым бедром и торчащей уже зелёной костью. Волосы вылезли, ногти тоже слезли, и на руках, и на ногах по два раза. Сестра молилась и ухаживала, я молилась и старалась при ней не плакать. Организм истощился настолько, что я теряла сознание при каждом перевороте меня на бок.

— Оля, не двигай меня! — просила я, так велик был страх, что не очнусь больше.

А двигать меня надо было, чтобы не образовалось пролежней, чтобы не повторилась пневмония — и сестра осторожно ворочала меня, укладывая, как ребёнка, на бок.

— Ты глазки закрой, — успокаивала она меня, — молись и просто расслабься и не будет так страшно.

Я слушала её, как солдат на войне слушает команды командира, отбросив своё «я», потому что в такие моменты нет этого «я». Перед очередным переворотом на другой бок я обычно смотрела на висевшую на стене икону Богородицы и молилась своими словами: «Пресвятая Богородице, родненькая, помоги мне! Забери меня к себе, видишь, нет уже меня... Или ещё не всё? Тогда прошу Тебя, помоги мне это всё преодолеть, капельку помоги нам». И стоит глаза закрыть — ведь сознание при движении потеряю — как вдруг явственно вижу улыбку на лице Богородицы и как бы кивок и движение глаз: «Всё будет хорошо, ты держись!». Я замерла — это был ответ. Рассказываю в волнении сестре, переворачиваюсь и сознание больше не теряю. Верю, что осень 2013 года — ещё не конец.

* * *

Вяжу, лежачая, носки и молюсь, от носка до носка целая жизнь — сотни молитв. Такой молитвы, как в те дни, у меня сейчас нет, я чувствовала себя уже на небесах. Такого раскаяния за каждое слово и дело, такого выворачивания нутра наизнанку тоже сейчас нет. Чем хуже — тем ближе к Богу, это реальность.

Но однажды попутал бес. Обхитрила маму, попросила купить лекарства от бессонницы. Скопила таблетки и, еле дождавшись ночи, высыпала их перед собой.

И зарыдала:

«Господи! Ты же знаешь меня, Ты знаешь меня лучше всех, знаешь, как я люблю жизнь, и Ты всё видишь. Ты можешь всё, Ты дал мне этот крест, спасибо, что мне, спасибо, что не близким моим людям. Я очень благодарна Тебе за это! Ты видишь моё терпение, Ты видишь терпение и любовь моей сестры. Ты видишь, что со мной стало, я прошу Тебя, пожалей меня, помилуй, родненький! Я так люблю Тебя, спасибо, что Ты рядом, прости, прости меня ещё раз за всё, в чём каюсь Тебе постоянно. Я не буду пить эти таблетки, которые собирала, хочешь, ещё пошли что-нибудь мне, ведь значит, так и надо мне. Прошу Тебя, недостойная просить, мыслившая самоубийство, — забери меня, Господи, пожалуйста, забери меня уже к себе. Помилуй! Или, пожалуйста, пошли мне врача, который бы не отказался от меня, как все, а который бы взялся, помог мне и выписал бы с зажившими ранами. Ты ведь всё можешь!».

Плакала взахлёб, уткнувшись в подушку, чтобы никто не услышал. Таблетки сложила в пакет, размышляя, как их незаметно теперь выкинуть.

Ночи были тяжёлые всегда: жар, горела, парацетамол, затем потела, надо было менять и простыню, и мне майку, а в эту ночь я спала как младенец, очень крепко.

Через неделю моя температура с 39,5 упала до 38,5, стало легче дышать. Через две недели, 14 февраля, друзья предложили съездить в ожоговый центр на консультацию. Зачем туда, ведь у меня кость поражена, но поехали, так как в других местах от меня отказались. Ничего не ждала от осмотра, за этот год о моём состоянии и степени поражения организма мы с се-

строй знали слишком много, — поехала для очистки совести, чтобы знать: если что, мы сделали всё что могли. Занесли меня на носилках, переложили, осмотр консилиума врачей-комбустиологов, бегло говорили, что надо бы сделать, ничего особо не спрашивали...

И вдруг, в конце консультации:

— Вы готовы сегодня лечь в наше отделение?

Мы с сестрой, находясь в противоположных углах смотрового кабинета, хором ответили: «Да!».

Это был прорыв!

* * *

Две недели готовили к операции: капали глюкозу, антибиотики, ничего не обещали. Я ничего не спрашивала, молилась. И благодарил Бога! Он всё слышит, всё знает! Сестра проводила каталку со мной до двери в операционную, беспрерывно молилась, мне не было страшно, я знала: всё происходящее — под контролем Бога. На операции, чтобы отвлечься от против-

Богу угодно будет, ведь да, Оля?

— Да, Наташ, нет предела Его могуществу, молись только и верь.

Сестра всегда рядом, ездил к детям домой и обратно ко мне в больницу.

* * *

Приехал сын на несколько месяцев и, чередуясь с Олей, навещал меня в больнице, взял академический отпуск в техникуме. Войдя первый раз в палату, замер — я худая, бледная, перевязаны обе ноги до колен, до бедра, к катетеру на руке подсоединена капельница, с обеих сторон идут кровяные трубки — дренажи.

— Мамуля, ты мой маленький Франки, — слабо улыбнулся он.

— А кто такой Франки?

— Фильм есть про Франкенштейна, но ты у меня круче.

И в конце апреля 2013 года, через год лежачего умирающего состояния, мне разрешили присаживаться, а в мае, когда окрепла, уже пересаживалась на коляску.

Сейчас понимаю, что именно тогда я

температуры, и я, по совету и благословению своего духовника, поехала в Москву, в институт Вишневого на обследование. Ведущий хирург и профессор В.А.М. объявил, что берёт меня на операцию. Шестичасовая операция на бедре. «Всё сложно», — говорил мне профессор в реанимации. Не двигаться, не переворачиваться самостоятельно месяц. Очень в этот период помогла Владлена, организовав за мной послеоперационный уход.

Новый 2015 год и Рождество — в палате. Несколько операций. Выписали в январе, после пяти месяцев в больнице жила у духовной сестры Этери некоторое время. Воспаление, открытые раны — на дом из института приходил ординатор, делал сложные перевязки. Стало легче, температура спала.

Летом работала в Москве по удалённой программе диспетчером в такси. Пару месяцев в гостях у Светочки, Царство ей Небесное, в Киржаче, работала и там. Но осенью снова сильные ухудшения, повысилась температура, и я опять экс-

ного звука отпиливания кости (общий наркоз мне давать нельзя), я то считала кафельную плитку на стене, то молилась.

И вдруг голос внутри: «Вот тебе по твоим молитвам!»... Такая радость, такое утешение.

И когда через день врач пришёл на перевязку, осмотрел и сказал: «Теперь всё будет хорошо», мне хотелось ответить: «А я уже знаю!».

Ногу и меня спасли. Впереди ожидали другие операции: резекция левого тазобедренного сустава, пластика, резекция седалищных костей, снова пластика, пересадка кожи, гематома на операционном бедре, очень сложные послеоперационные периоды, — но у меня уже появились силы, Бог со мной! Бог со мной, — и я счастлива! Читаю, молюсь.

Все ноги в больших фигурных рубцах и шрамах, ниже колен всё в ожоговых следах: «Боец невидимого фронта» — шутили мы с сестрой.

— Я ещё станцую, да, Лель?

— Да, Нат.

— А ещё поплаваем в море, ведь можно мне плавать?

— Можно, Нат.

— Оля, я ещё за руль сяду, правда?

— Правда-правда.

— А ведь если меня так Бог любит такую, то ведь может и человек полюбить, если

начала учиться доверять Богу. А как много удивительных людей я встретила в тот период жизни — не передать. Всё от Бога: и встречи, и происшествия — всё.

* * *

Меня выписали через пять месяцев и, вернувшись домой под Козельск, я устроилась работать в свой таксопарк диспетчером, только теперь в лежачем состоянии, так как сидеть мне запретили почти полгода. В свободное время чистила картошку, крошила салаты, вязала носки — старалась делать всё, что можно руками. Научилась жить полностью на животе и полубоках: и мыться, и одеваться. Папа, спасибо ему большое, кормил меня вкусными кашами! И работа всегда даёт много сил, осознание своей нужности, тем более в таком положении. И хороший диспетчер получился, потому что, столько проедив за рулём, хорошо знала местность и направляла водителей. Наконец-то разрешили сесть на коляску и, слава Богу, я съездила в Оптину Пустынь, там у меня духовник, и рассказала ему о всех своих испытаниях.

* * *

А в июне 2014-го мне стало хуже, кровотечение из прооперированного места, выходили осколки кости, повысилась

тременно попала в больницу. Провели серию чисток, обработок открытых очагов. Состояние улучшилось. Но раны нельзя закрывать, так как предыдущие операции показали, что при остеомиелите и в моём случае это не решение, не выход. Только перевязки, а при сильном ухудшении — хирургические обработки очагов, антибактериальная терапия, — и всё, вплоть до ампутации ноги.

К новому 2016 году готовилась на выписку, но температура стабильно 38 с плюсом, и мне назначили мощную антибактериальную терапию, а так как вены плохие, мне всегда ставили подключичный катетер. В этот раз что-то пошло не так, во время установки катетера нечаянно прокололи правое лёгкое, и на несколько дней я отправилась в реанимацию восстанавливать под наблюдением врачей лёгкое. Накануне 31 декабря меня перевели в отделение. И новый 2016 год мы дружно отметили с оставшимися пациентами.

Праздники в больницах всегда необычны: люди борются с болезнью, надеются на лучшее, но понимают, что раз их не выписали — значит не всё так просто. У кого обморожены и частично ампутированы ноги-руки, кто-то разбился на мотоцикле и, перенес ампутацию одной ноги, борется за сохранение второй. Много историй жизни. А сколько пожилых людей, пере-